

К. Энгель

Инсбрукский университет им. Леопольда-Франца

ЧИНГИСХАН В РОССИЙСКОМ КИНО: МОНГОЛЬСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ И «КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В данной статье показывается влияние неоевразийской империалистической идеологии на популярную культуру. В этом свете представляется продуктивным рассмотреть переосмысление средневековых отношений между Русью и монголами, включающее в себя переоценку Чингисхана как отрицательной личности в сторону его характеристики как позитивного, харизматичного правителя. На основе фильмов «Монгол» (2007) Сергея Бодрова и «Тайна Чингис Хаана» (2009) Андрея Борисова выявляются источники и цели такого трансформированного нарратива. Кроме того, проводятся параллели этого дискурса с идеями Льва Гумилева, «последнего евразийца», а также с ключевыми понятиями «консервативной революции».

Чингисхан, Сергей Бодров, «Монгол», Андрей Борисов, «Тайна Чингис Хаана», Лев Гумилев, Борис Владимиров, Анатолий Фоменко, неоевразийство, консервативная революция.

Относительно недавно в кино появились два игровых фильма о Чингисхане: «Монгол» (2007) Сергея Бодрова и «Тайна Чингис Хаана» (2009) Андрея Борисова. Оба этих фильма интересны ввиду того, что в своей репрезентации монгольского правителя они занимают неоевразийскую позицию в идеологической дискуссии. А именно – они представляют Чингисхана как положительный образец для подражания, что означает слом существующей ранее традиции его изображения. Эта переоценка осуществляется прежде всего за счет того, что Чингисхан представляется не как завоеватель, а как успешный и самоотверженный основатель империи – не просто какой-то империи, а именно прототипа Российской империи.

Интерпретационные линии периода монгольского господства

В конце своей жизни Чингисхан (1155–1227), как известно, правил империей, в состав которой входили Западный Китай, Центральная Азия и юг России. Чтобы добиться этого, он, используя все имеющиеся в его распоряжении средства, объединил различные племена, обитавшие в регионе монгольских степей, и в 1206 г. был провозглашен великим ханом. Продвижение орды монгольских всадников во время их нашествий происходило крайне жестоко: города, которые не сразу сдавались, сравнивались с землей, а их жителей до последнего младенца поголовно вырезали – так произошло, к примеру, в Козельске в 1238 г. после семинедельной осады. Таким же образом методично убивали крестьян, чтобы иметь возможность использовать поля как пастбища для лошадей монголов. Целые регионы были обращены в рабство, а в ходе мстительных военных походов с лица земли исчезали целые государственные образования, как, например, государство Хорезмшахов, находившееся в низовьях Амударьи, или государство тангутов на северо-востоке современного Китая.

Как известно, средневековые российские территории в течение двухсот лет были обязаны платить дань монгольским правителям. Этот период времени сохраняется в памяти российского народа и по большей части имеет очень негативные коннотации. Основными вехами здесь являются проигранная битва на Калке (1223 г.), которую провели еще при жизни Чингисхана его полководцы Субэйдэй и Джэбэ; далее были набеги хана Батыя, внука Чингисхана, который завоевывал одно русское княжество за другим; и, наконец, нападение на Киев (1240 г.). Не менее известными в исторической политике являются и победы над монголами: первая победоносная битва против Золотой Орды в 1380 г. на Куликовом поле, а также сто лет спустя «изгнание» монголов при Иване III.

Доминирующий нарратив в России повествует об этих временах как о «татаро-монгольском иге», о катастрофе российского общества, которое в своем развитии было отброшено назад на более чем триста лет. Эта интерпретация рассматривает монгольско-русскую главу как «тяжкое наследие разрушительных варваров» и пытается «вычистить “монгольское” из российской культуры и общества, игнорировать его или же преуменьшить его значение» [23, с. 481]. С этой точкой зрения также связан поиск простого объяснения: «Они <русские> подверглись нападению, порабощению, а затем освободились» [23, с. 481]. Этот нарратив по-прежнему преподается в российских школах, он поддерживался во время всего советского периода и встречается уже у Н.М. Карамзина в его «Истории государства Российского».

Этому нарративу противостоит нарратив так называемых евразийцев, который развился в 1920–1930-е гг. в эмиграции в Берлине и играет важную роль в современных дискурсах о Евразии. Этот нарратив выводит на передний план цивилизационно-административные и военные достижения монголов, только благодаря которым у русских появилась воз-

можность покорить степь. Московское государство полностью позаимствовало государственную и административную концепцию татаро-монголов и смогло на ее основе выстроить свое собственное господство. С этой точки зрения Россия является прямым государством-наследником Золотой Орды, что в современной России вызывает как критически-дистанцированную, так и эйфорическую реакцию.

Критически-дистанцированные голоса, например российских историков Ю. Пивоварова, Ю. Афанасьева или австрийского исследователя А. Каппелера, подчеркивают, что таким образом от монголов была унаследована и система управления: отсюда происходит строго иерархическая вертикальная организация общества, а также монгольские социально-политические предпосылки того, что индивид должен подчинить свои интересы интересам государства [23, с. 500]. Что же касается хана, Ю. Пивоваров считает: «То есть хан переехал в Кремль. Москва отатарилась, омонголилась, и великий русский князь стал ханом. Находясь два с половиной столетия под монголами, русские князья, приезжая в Сарай, встречались с совершенно невероятным типом власти, который они раньше не видели ни в Европе, ни у себя на Руси. Это была абсолютная власть в «особо крупных размерах» в руках одного человека. Монгольский тип власти – это когда один человек – все, а все остальные – ничто» [9].

И напротив, эйфорические реакции подчеркивают величие Российской империи и статус России как великой державы, ставшие результатом монгольского наследия. Эта точка зрения была представлена «классическими» евразийцами, как, например, Николай Трубецкой или Георгий Вернадский, которые интерпретировали и личность Чингисхана в положительном ключе: они видели в нем благородного, волевого основателя империи, которому удалось побороть индивидуальные интересы отдельных кланов всеми ему доступными средствами и подчинить их великому целому. В своем эссе «Наследие Чингисхана» Трубецкой пишет, что благодаря Чингисхану осуществилось необходимое и неизбежное определение этого региона; монгольский период был важной вехой, прежде чем Россия, то есть Московское государство, смогла перенять эстафету. Древняя Киевская Русь, согласно Трубецкому, не смогла бы стать таким преемником, поскольку ее закат был предопределен: она не была единой, характеризовалась внутренними конфликтами и никогда не была в состоянии покорить степь.

Подобное же восхваление Чингисхана можно встретить у Льва Гумилева, который сам себя называл «последним евразийцем». В своих широко известных трудах он еще раз обобщил некоторые ключевые идеи классического еврайства и транспонировал их в псевдонаучную систему, которую он обогатил эзотерическими аспектами. В своих вновь и вновь издаваемых книгах «Древняя Русь и Великая Степь» и «От Руси до России» он уделил большое внимание восхождению и роли Чингисхана и неумоимо транслировал свои взгляды в интервью и докладах.

Надо указывать на то, что все эти положительные интерпретации личности Чингисхана восходят в сущ-

ности к одному общему источнику, а именно к героическому эпосу «Сокровенное сказание монголов». Этот текст никак не является историческим трудом, но представляет собой хвалебную песнь в честь правителя с определенной политической целью. Сказание было создано в 1228 г., то есть спустя относительно небольшое время после смерти правителя и предположительно по поручению клана Чингизидов, с тем чтобы легитимировать их наследственное правопреимство. В итоге получилась эпическая летопись, частично написанная в стихах и обогащенная фольклором [18, с. 129]. Как обычно бывает в таких текстах, начало династии перенесено в мифологические времена и также сопровождается мифологическими предками – в данном конкретном случае прародителями являются серо-голубой волк и белая самка оленя. Первоначальный текст был предположительно написан на уйгурском языке и за несколько столетий был утрачен. Доступны были лишь перафразированные переводы на китайский, чья письменная и понятийная система сильно искажает исходный текст. Тем не менее, на базе этих переводов была предпринята попытка реконструировать первоначальный текст, которая была завершена в 1940-х годах.

В первой части этого произведения описывается тяжелая юность Чингисхана, носившего тогда имя Тэмуджин. В возрасте девяти лет он был помолвлен с Борте, дочерью предводителя племени, – союз, который он, несмотря на всевозможные препятствия и разрывы, хотел и смог сохранить. Однако уже год спустя умирает его отец, уважаемый предводитель племени, отравленный враждебно настроенной группой татар. Оставленной своим кланом в беде, его матери приходится справиться с шестью детьми в одиночку, результатом становится тяжелая и скудная жизнь. Она также ничего не может противопоставить временному и унижительному пленению Тэмуджина в клане родственников. После его восхождения на престол как Чингисхана в «Сокровенном сказании» описываются его принципы управления и в заключение военные походы под его личным предводительством. Во время его последнего похода, который он повел против тангутов, Чингисхан падает с лошади и в конце концов погибает от полученных повреждений. Вновь и вновь делается акцент на том, что его великие дела были не только проявлением его личной воли, но и то, что он был избранником «Вечного Синего Неба», верховного божества Тенгри, который держал над ним свою охраняющую длань и обращал во благо казавшиеся безвыходными ситуации.

Игровые фильмы Бодрова и Борисова довольно близко придерживаются биографической схемы, которую устанавливает «Сокровенное сказание», а также выбирают похожие сцены: опасности, которым Тэмуджин подвергался после смерти своего отца, ранняя любовь к его будущей жене Борте, предательство его побратима Джамухи, а также столкновения и битвы с монгольскими племенами, которые сопротивлялись попыткам объединения или даже сами заявляли притязания на господство. Оба фильма заканчиваются моментом возведения Тэмуджина в статус великого хана. Это важно упомянуть, так как в данной связи более поздние военные походы остаются в тени,

что оказывается весьма кстати для положительной переоценки этой фигуры. Поэтому неудивительно, что Бодров, несмотря на анонсирование, до сих пор не сделал продолжения своего фильма.

Фильм «Монгол» Сергея Бодрова

Фильм Бодрова неплохо сделан с точки зрения кинематографического ремесла, а места съемки во Внутренней Монголии, в Китае и Казахстане передают аутентичный ландшафт. Фильм даже был номинирован на премию Американской академии кинематографических искусств и наук как «Лучший иностранный фильм». На первый взгляд, фильм кажется типичной голливудской мелодрамой: «история любви, то есть фактически, история буржуазной нуклеарной семьи, оказавшейся в начале фильма под угрозой исторических сил за пределами контроля главного героя. Многочисленные расставания возлюбленных (причиной которых стали по большей части исторические обстоятельства), усиленные великолепной операторской работой, монтажом и компьютерной графикой, завершаются окончательным воссоединением главных героев» [22].

Но связанные с этим фильмом идеи евразийского дискурса также скоро становятся очевидными. В своих интервью Бодров сам объявляет себя приверженцем этих идей. К этому можно также добавить, что он родился в Хабаровске (1948 г.) и вырос в Приморье и что с давних пор он рассматривал этот регион России как тот, с которым обращались ненадлежащим образом. Хотя он сам уже почти двадцать лет живет в Лос-Анджелесе, его по-прежнему занимает судьба России. Он предлагает России решения совершенно в духе евразийского дискурса: «надо было давно уже повернуться к Востоку. Мы лезем на Запад, который мы не знаем. Нас там не понимают, и мы тоже Запад не понимаем. Мы азиатская страна, у нас тут корни. У нас большая территория, и люди на ней хорошие живут. Нам уже давно надо учиться не у Запада, а у Востока – терпению, мудрости» [10]. А в другом интервью Бодров отвечает: «Да, в наших учебниках он <Чингисхан> однозначно трактуется как враг, разрушитель, мне часто на просмотрах говорят: “Зачем вы это снимали, что нам монголы хорошего сделали?” Я говорю: “Хорошего, плохого – но ведь сделали много?” Триста лет вместе жили – это не выбросишь. Не было бы Чингисхана – не было бы у нас и Тимирязева, Салтыкова, Чаадаева и массы других – это ведь все татарские фамилии. “Поскреби русского – найдешь татарина”» [1].

В фильме Бодрова Тэмуджин с малых лет наделен необыкновенной силой воли и способностью переживать страдание, превосходящее любую человеческую меру. Он переносит опыт клинической смерти, мучительное пленение во враждебном монгольском племени, а также плен у тангутов, которые в течение нескольких лет держали его в клетке как дикого зверя. Этот плен впервые упоминается у Гумилева, который считает, что этим он может объяснить многолетний пробел в жизни Чингисхана. В фильме Тэмуджин проводит время в плену в глубокой медитации, и в нем зреет намерение объединить монгольские племена под своим предводительством – даже несмотря на их сопротивление.

Как показано в фильме, мотивацией Чингисхана для совершения этого великого шага является любовь мужа и отца, который стремится оградить свою семью от таких невзгод, которые выпали на его долю. Внешний облик будущего великого хана – которого играет Таданобу Асано – напоминает порой образ Иисуса с мягкими волосами до плеч и коротко стриженной мягкой бородой. Как справедливо заметил кинокритик Олег Петров, все темные краски Сергей Бодров заменил светлыми: «Формально понятно – история взросления и становления одного из величайших завоевателей всех времен и народов, о котором мы с детства привыкли думать, как чуть ли не об абсолютном зле. Во всяком случае, краски восприятия этого исторического персонажа в нашей обобщенной палитре были, по преимуществу, темные. А тут Сергей Бодров взял и все темные краски поменял на светлые. По сути превратил Чингисхана в эдакого доброго фея, улыбчивого, мудрого, справедливого, красивого, любящего и терпеливого» [8].

В биографии монгольского правителя Бодров прежде всего опирается на работу петербургского ориенталиста и академика Бориса Владимирцова, который был близок идеям евразийцев. Владимирцов в своем культурно-историческом очерке «Чингисхан» (1922) использует персидские, китайские и европейские источники, но в первую очередь и он опирается на «Сокровенное сказание». Он превращает первоисточник в связное, хорошо читаемое повествование, часто дословно повторяет целые пассажи и усиливает позитивное впечатление. Он подчеркивает, например, что Чингисхан не был ни жестоким, ни кровожадным [3, с. 111]. Он замечает не раз, что Чингисхан ни в коей мере не имел демократических наклонностей [3, с. 125]. А также Владимирцов подчеркивает, что Чингисхан является божественным посланником «Вечно-го Синего Неба» [3, с. 28], что вновь дает Бодрову удобную возможность для использования всевозможных драматических погодных явлений с громом и молнией, а также для введения в качестве предка и покровителя Тэмуджина серо-голубого волка, который появляется в кадре в кризисных и решающих ситуациях.

Образ Чингисхана, который рисует Владимирцов и который заимствует Бодров, – это образ сильного лидера, который следует за великой идеей и добивается ее воплощения своими единоличными решениями. Те, кто себя ему противопоставляют, совершают предательство по отношению к этой великой, превыше всего стоящей идее. Фильм заканчивается моментом возведения Тэмуджина в статус Великого хана, что Владимирцов в конце восьмой главы, то есть примерно в середине книги, формулирует следующим образом (а Бодров делает аналогичное в кадре): «Все теперь преклонились перед железной волей железного императора, прошедшего тяжелый путь от полугодного существования в заброшенной юрте на берегу Онона до ханской ставки организованной империи» [3, с. 93].

Наряду с Владимирцовым Бодров также открыто опирается на Льва Гумилева, чьи труды рассматривает как в высшей степени подходящие для его замысла и чью концепцию «пассионарности» кладет в основу

образа своего киногероя. В Чингисхане Бодров не только надеется увидеть пылающую страсть ради великого дела, но и ее непосредственное положительное воздействие на Россию: «Чингисхан отвечает на вопрос, что такое и откуда пошла русская земля! Его пассионарность произвела громадные изменения в менталитете Руси» [11].

«Пассионарность» играет у Гумилева самую центральную роль. В своей теории этногенеза он исходит из того, что удачное объединение народов или племен в «суперэтнос» может произойти только благодаря «пассионарному толчку». По мнению Гумилева, такой толчок вызывается силами в ближнем космосе, происходит лишь раз в несколько столетий и вызывает резкий подъем биоэнергии – что и произошло у монголов в XII–XIII веках. Что касается современной России, то, с точки зрения Гумилева, у нее только тогда будет будущее, когда она осознает свою евразийскую основу. Гумилев считает, что уже однажды сработало, а именно тогда, когда после погибшей Киевской Руси симбиоз с монголами привел к тому, что Московская Русь смогла возникнуть как совершенно новое, иначе устроенное государственное образование [6].

С этой точки зрения становится понятно, что для Бодрова в его фильме речь гораздо меньше идет об историческом аспекте, чем о ценностной ориентации для современной России. По Гумилеву, идея «пассионарности» распространяется не только на общественные образования, но и на отдельных индивидов. Такой «пассионарий» отличается мужеством, находчивостью и выдержкой. Его противоположностью является «субпассионарий»: он стремится лишь к безопасности и благополучию и при этом забывает личное достоинство и честь, так что начинают преобладать предательство и трусость. На этом основании только сильный правитель способен воплотить закон и порядок, применяя жесткие меры и не давая побочным разрушениям или демократическим процессам остановить себя. Согласно этой концепции, великая империя очевидно является неоспоримой ценностью сама по себе, которой должно быть подчинено все остальное. По этой логике, такая империя также не переносит никаких новых сепарационных процессов, потому что таковые неизбежно могут привести к обстоятельствам, в которых каждый борется против всех – а примером тому служит обычно ситуация среди монгольских племен до Чингисхана.

Якутский взгляд на Чингисхана

Евразийский дискурс империалистическим жестом подхватывает также фильм «Тайна Чингис Хаана», который был создан режиссером Андреем Борисовым и в 2009 г. вышел на экраны. Съемки в основном проводились в «оригинальных местах действия»: в Якутии, на Алтае, на озере Байкал, в Хакасии, Бурятии и в Туве [7]. С точки зрения кинематографической перспективы фильм мало что может предложить – тем не менее, он довольно интересен, так как задействованные личности преследуют свои внефильмовые политические и общественные интересы. Будучи министром культуры Якутии, Борисов прекрасно осознает политические импликации фильма, поскольку он

считает, что пришло время «создать собственного русского Чингисхана» [7]. С другой стороны, автор сценария Николай Лугинов, который также написал положенный в основу фильма роман «По велению Чингисхана» (1998), занимается не только литературной деятельностью, но и является вице-президентом Академии духовности Республики Саха и в этой функции отвечает за морально-идеологическую ориентацию населения. Лугинов охотно делится информацией о своей идеологической позиции. Он считает, что историю человечества можно описывать только лишь как историю империй. Он с гордостью указывает на то, что Россия, по-видимому, является прямым продолжением Монгольской империи: «Российская империя выросла и окрепла, вышла из мира, сферы монгольской империи. Русское государство было частью, автономным образованием Монгольской империи. Российская империя полностью переняла всю государственную идеологию, государственный строй, методы, политику государственного строительства Монгольской империи» [2].

В связи с этим становится ясно, что Тэмуджин в этом фильме воплощает все те ценности, которые приписываются идеальному «имперскому» правителю: уже в пору своей юности он является сильной личностью, он умный и мудрый, справедливый и дальновидный. Внешне он довольно привлекательный мужчина (в исполнении Эдуарда Ондара), любящий свою жену и почитающий мать. И объединение монгольских племен происходит совсем не из-за личного честолюбия, но лишь для того, чтобы утвердить обязательный для всех закон.

Кроме того, в фильме также делается попытка сгладить еще одно внутреннее противоречие евразийства, а именно – вопрос о том, в какой мере Русская православная церковь может заявлять претензии на лидерство на «континенте Евразия», что, конечно же, не всегда воспринимается с пониманием. При этом фильм обращается к религиозной толерантности, которая у Владимирцова среди прочего приписывается Чингисхану. В фильме это интерпретируется своеобразным образом: подчеркивается ценность шаманского тенгризма, и в то же время дается понять, что Чингисхан был также проникнут христианством. С исторической точки зрения, тенгризм в свое время был широко распространен среди монголов и центральноазиатских тюркских народов. Христианское вероисповедание встречалось, прежде всего, вдоль шелкового пути в форме несторианства, но все-таки ни в коем случае не было массовым феноменом. И теперь фильм делает попытку представить обе религии не только как равноценные, но и также как аналогичные, однотипные. Для этой цели тенгризм представляется в нем как (прото-)монотеистическая религия. Положение Тэмуджина как избранного Тенгри, «Вечным Синим Небом», формируется аналогично положению Бога-отца и Бога-сына. Попытка представить обе религии как в принципе идентичные заходит настолько далеко, что Тэмуджин перед решающей битвой возносит Тенгри молитву, которая дословно опирается на молитву Давида в 17 псалме «Возлюблю Тя, Господи...».

То, что Чингисхан и степь уже тогда словно были проникнуты христианским духом, подчеркивается в

фильме еще братом Иоанном, католическим миссионером, которого можно видеть в многократных сценах крещения и благословения. Со своим деревянным крестом, который заменяет ему посох, он бросается в битвы между сражающимися и при этом умоляет их по-толстовски: «Братья! Не убивайте друг друга! Опомнитесь! Ведь все люди – братья!»

Разумеется, соединение тенгризма и христианства, как оно представлено в фильме, также можно рассматривать в свете имперской перспективы. С этой точки зрения становится понятно, что Чингисхан, собственно говоря, трансформируется в русского. И в этом аспекте, высказыванию режиссера Борисова о том, что нам нужен «наш собственный Чингисхан», следует придавать еще большее значение. Очевидно, что фильм представляет позицию, которая предлагается в так называемой «новой хронологии» Анатолия Фоменко. В соответствии с этой, довольно успешной в России, «альтернативной» исторической концепцией складывается образ автохтонного русского Чингисхана. Фоменко является профессором математики в Московском государственном университете и представляет точку зрения, согласно которой вся историография, касающаяся периода до XIII века, основывается на фальсификациях [14]. Его новая хронология сокращает общепринятое летоисчисление на целую тысячу лет, и он приводит доказательства, что между XIII и XV веками происходило славянское завоевание мира. По его мнению, монголы, русские и славяне были, в сущности, идентичны. В качестве доказательства монголо-русско-славянской мировой империи он приводит преимущественно этимологию. По его мнению, этруски фактически были русскими, на что указывает их наименование «эт-русски». Таким же образом, имя Карла Великого, то есть Carolus Magnus, Фоменко расшифрует как «Король из Монголии», так как латинское «Magnus» означает соответственно «монгол» [14, с. 12]. И кроме того, название столицы империи – город Ахен – содержит в себе монгольский титул правителя «Хан». По мнению Фоменко, Чингисхан был, собственно говоря, русским и являлся одновременно великим князем Юрием (Георгием) Даниловичем, Юрием Долгоруким, а также Рюриком, то есть почитание святого Георгия в России имеет фактически отсылку к Чингисхану, основателю «русско-ордынской, монгольской империи» [14].

Резюме

В основе двух игровых фильмов «Монгол» (2007) и «Тайна Чингис Хаана» (2009) лежит исходный текст «Сокровенное сказание», а точнее – его переработка Владимирцовым. Дополненные идеями евразийцев и Льва Гумилева, оба фильма представляют фигуру Чингисхана как проекцию имперских неоевразийских идей. Согласно этой интерпретации, Чингисхан, стремясь подчинить все монгольские племена одному общему закону, действует из миролюбивых убеждений. При этом средством для достижения цели служит также крайнее применение силы, то есть страх и террор. Такая концепция восходит к Томасу Гоббсу, который в 1651 г. разработал концепцию государства как Левиафана. По его мнению, государство возникает именно за счет подчинения своих граждан, благо-

даря чему, однако, предотвращается еще более худшее естественное состояние, когда все являются врагами друг другу. На этом основании Карл Шмитт, философ права национал-социализма, развивал свои идеи «Великого пространства», связанные с резким отрицанием демократии и либерализма и одобрением различных форм диктатуры. Относительно нашей темы это стоит упоминания ввиду того, что Карл Шмитт сегодня является одним из излюбленных авторов «консервативной революции», и на его взгляды охотно опираются неоевразийцы, такие как Александр Дугин. При таких обстоятельствах Чингисхан, представленный как образец для подражания, может оказывать влияние на популярно-культурном уровне и служить трансмиссионным ремнем идей подобного рода.

Перевод с немецкого Е.А. Красильниковой

Литература

1. «В Азии он до сих пор бог». Интервью с Сергеем Бодровым [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.time.out.ru/msk/feature/1647> (дата обращения: 15.10.2019).
2. Амгин, О.Н. Н. Лугинов о духовности, культуре и литературе [Электронный ресурс] / О. Амгин. – URL: <https://www.proza.ru/2009/06/26/374> (дата обращения: 15.10.2019).
3. Владимирцов, Б.Я. Чингисхан / Б.Я. Владимирцов. – Берлин; Петербург; Москва: Издательство З.И. Гржебина, 1922.
4. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилев. – Москва: АСТ, 2007. – 655 с.
5. Гумилев, Л.Н. От Руси до России / Л.Н. Гумилев. – Москва: АСТ, 2008.
6. Лев Гумилев: «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» (интервью с Игорем Савкиным) [Электронный ресурс] // Социум. – 1992. – № 5. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article28.htm> (дата обращения: 15.10.2019).
7. Ондур, С. По велению Чингисхана [Электронный ресурс] / С. Ондур // Центр Азии. – 2006. – № 45 (10–17 ноября 2006). – URL: http://www.centerasia.ru/issue/2006/45/605-po_veleniyu_chingiskhana.html (дата обращения: 15.10.2019).
8. Петров, О. «Монгол» [Электронный ресурс] / О. Петров. – URL: <https://www.uralweb.ru/poster/reviews/1896.html> (дата обращения: 15.10.2019).
9. Пивоваров, Ю. От кого российское государство взяло больше: от Византии или Золотой Орды? [Электронный ресурс] / Ю. Пивоваров // Комсомольская правда. – 2010. – 28 августа. – URL: <http://www.kp.ru/daily/24548/725476> (дата обращения: 15.10.2019).
10. Сергей Бодров. Идем на Восток [Электронный ресурс]. – URL: <http://vladivostok.com/media/10/12/bodrov.asp> (дата обращения: 15.10.2019).
11. Сергей Бодров-старший снял фильм о Чингисхане [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/culture/20070823/73997546.html> (дата обращения: 15.10.2019).
12. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1941. – 41 с.
13. Трубецкой, Н.С. Наследие Чингисхана / Н.С. Трубецкой. – Берлин: Евразийское издательство, 1925.
14. Фоменко, А.Т. Русь и Рим. Средневековые хронологии «удлинители истории». Математика в истории. Новая хронология [Электронный ресурс] / А.Т. Фоменко. – URL: http://modernlib.net/books/anatoliy_fomenko/srednevekovie_hronologi_udlinili_istoriyu_matematika_v_istorii/read (дата обращения: 15.10.2019).
15. Фоменко, А.Т. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии? Книга V (Русско-ордынская империя и

Библия) [Электронный ресурс] / А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский. – URL: <https://profilib.org/chtenie/84404/anatoliy-fomenko-pravilno-li-my-ponimaem-istoriyu-evropy-i-azii-kniga-v-russko-ordynskaya-12.php> (дата обращения: 15.10.2019).

16. Bassin, M. *Russia between Europe and Asia. The Ideological Construction of Geographical Space* / M. Bassin // *Slavic Review*. – 1991. – № 1 (50). – P. 1–17.

17. Engel, Ch. *Genghis Khan, the Golden Horde and Neo-Eurasianism in Russian Feature Films* / Ch. Engel // *The Politics of Eurasianism. Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy* / M. Bassin, G. Pozo, (ed.). – London; New York: Rowman & Littlefield, 1991. – P. 101–119.

18. Heissig, W. *Monggol-un niġuċa tobiċiyan* / W. Heissig // *Kindlers neues Literatur-Lexikon, Bd. 19, Anonyma – Kollektivwerke – Stoffe* / Jens. W. (Hg.). – München: Kindler, 1996. – S. 128–129.

19. Heissig, W. *Nachwort* / W. Heissig // *Die Geheime Geschichte der Mongolen* / hg. von Walther Heissig. – Düsseldorf; Köln: Diederichs, 1981. – S. 279–288.

20. Ingold, F.Ph. *Das Geschichtsbild der Neuen Chronologie* [Электронный ресурс] / F.Ph. Ingold // *Mercur*, 28 Juli 2017. – URL: <https://www.mercur-zeitschrift.de/2017/07/28/das-geschichtsbild-der-neuen-chronologie> (дата обращения: 15.10.2019).

21. Man, J. *Genghis Chan. Life, Death, and Resurrection* / J. Man. – London: Bentam, 2004.

22. Prokhorov, A. *Making a Transnational Film. Dr. Jekyll and Mr. Hyde of Sergei Bodrov's «Mongol»* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kinokultura.com/2008/20-mongol.shtml> (дата обращения: 15.10.2019).

23. Schneider, St. *Das mongolische Paradigma in Russlands Geschichte* [Электронный ресурс] / St. Schneider // *Texturen – Identitäten – Theorien. Ergebnisse des Arbeitstreffens des Jungen Forums Slavistische Literaturwissenschaft in Trier 2010* / N. Frieß et al. (Hg.). – Potsdam: Universitätsverlag, 2011. – S. 479–505. – URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/files/5343/jfsl2010.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).

Ch. Engel

GENGHIS KHAN IN RUSSIAN CINEMA: THE MONGOL RULER AND THE «CONSERVATIVE REVOLUTION»

The article shows the influence of the neo-Eurasian imperialistic ideology on popular culture. The reassessment of the medieval relationship between the Russians and the Mongols is of great interest in this respect. It also implies a shift in assessing Genghis Khan not as a negative personality but as a positive, charismatic leader. On the basis of the feature films «Mongol» (2007, dir. Sergei Bodrov sen.) and «Taina Chingis Khaana» (2009, dir. Andrei Borisov) Christine Engel points out the sources as well as the ideological implications of this transformed narrative. Moreover, the author outlines its parallels with the ideas of Lev Gumilev, «the last Eurasian», as well as with the key concepts of the «conservative revolution».

Genghis Khan, Sergei Bodrov, «Mongol», Andrei Borisov, «Taina Chingis Khaana», Lev Gumilev, Boris Vladimirtsov, Anatoly Fomenko, neo-Eurasianism, «conservative revolution».